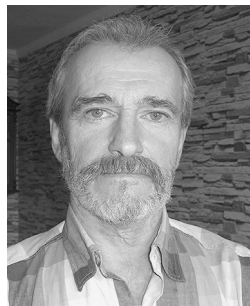

Юрий Савченко

МИР ОКРЫЛЕННЫЙ, ЖИВОЙ НАВСЕГДА!

ДОМОЙ!..

Унынье, – как ни заливай.
Кругом давно зима ложится,
Но всё ещё пьяна столица,
Хлебнув ненастья через край.

Ей холодать уже пора,
А мне – в провинцию, на волю,
К родному стылому подолью,
К реке, парующей с утра,

К жилищам, где сердечней быт,
К друзьям, что проще и трезвее,
К столу – и к жаркой батарее:
Глядеть, как тихо снег летит.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД

Вот и окраина. Рад и не рад:
Чахнет, простужена и глуховата,
Между железнодорожным стаккато
И грохотком продувных эстакад.

Зыркнув, пронзает купейный покой
Драным углом или дряхлым забором,
Дерзко делясь неизбывным позором, –
Так, по привычке – вполне городской.

Что ей приметы и новь перемен, –
Время окраины смутно и скупое.
Рёв нечистот у бетонного струпа,
Вывихи трубопроводных колен.

Грязь и трущобы, трущобы и грязь,
 Мутные очи отцов-постояльцев,
 Проводы, роды, – и жизнь между пальцев,
 Веря, сучая, скуля, матерясь...

От нетерпения – или стыда
 Взгляд отвернёшь, – а другой стороною
 Монстр свинцовый* тяжёлой губою
 Перетирает людские стада...

* Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат.

* * *

Евгению Курдакову

Навей покою, нежная весна,
 В удел, где мы так немощны и нищи.
 Волхвуй же, пусть от сердца-вещуна
 Зелёный саван скроет пепелище!

И сквозь туман, что к пажити приник,
 Дай, дай прозреть заветную божницу,
 Где прячет роща гулкий голосник,
 Откуда свет берёзовый струится,

Откуда вера наша – не затвор,
 И откровений тягость – не измена.
 Там с бережка на пять земель простор
 И в семь небес святая Ойкумена.

НАД БУХТАРМОЮ

Солнечным светом и ветром земным
 Небо разорвано, как парусина,
 И от лазури до ультрамарина
 Сполохи синие ходят под ним.

Тени и света игра в перехлёт,
 И в окружении тающих пятен
 Мир беспечален, прозрачен, понятен,
 Неисправимо наивен и прост!

Кажется, мог бы взлететь без труда,
 Плавным парением птиц очарован, –
 Вон он, гляди, – обнажён и раскован,
 Мир окрылённый, живой навсегда!

Но рассмеёшься, разбившись о клеть,
Где просидел на шестке петушином,
Меря чужим, осторожным аршином
Всё, чему велено меру иметь, –

И не имел ни судьбы, ни лица,
Чтобы тягаться с докучной морокой,
Не понимая душой одинокой,
Что так и будет всю жизнь до конца,

Если не сладить, не слиться нутром,
Неизлечимо бескрылым и хворым,
С этим по-русски открытым простором,
С тихо кружащимся белым пером...

ВЕСНА В КАРАОТКЕЛЕ

Над головою мир аквамарина,
А в нём плывут, не зная о рулях,
Два облачка, два лебединых клина,
Две лодочки на перистых крылах.

Вокруг, дыша и медленно вставая,
Струится жар полуденной земли,
Звенит и вьётся птаха полевая,
И жук лениво роется в пыли.

А там, вдали, над маревом и зноем,
Венцы Калбы сливаются в дымах, –
И пахнет жизнью, волей и покоем,
И вкус полыни тает на губах.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР НА ЗАЙСАНЕ

Берег жёлт, а море бирюзово.
Я блесну закину наугад.
На меня в предчувствии улова
Чайки бестолковые кричат.

Не галди, прожорливая стая,
Все мы здесь – улов для Рыбака.
За вершинами Тарбагатая
Над Китаем тают облака.

Тают, как земные обещанья,
Размыкая очертаний вязь.

Ветер, дуновение прощанья,
Загорчил, закатом опалась.

Всхлипнет в пене чаячья удача,
Плач мартына* – будто в горле ком.
А вдали, пустынна и незряча,
Засыпает степь полынным сном.

* Разновидность чаек.

ВОЛЯ

То ли ветром памяти надуло,
То ли так прояснела сама.
Вижу плоскую тоску аула –
Гурт углов: ни склепы, ни дома...

Ни травинки, ни куста живого.
Пыль. Арба. Отара в стороне.
Степь, чадя, колыхается лилово,
Будто сковородка на огне.

Шорох пены где-то за обрывом.
Крик скопы однообразно сух...
Отчего ж в смятении счастливом
Я, как дервиш, напрягаю слух?

То ли так уж по сердцу чужое, –
То ли так, напомнило о чём?..
Берег белым полыхает в зное.
Пахнет ветер терпким кизяком.

* * *

Ветром тонким потянет с востока,
И под утро, в тревожной тиши,
Прострекочет над стынью сорока
Странной памятью скифской души.

И она вдруг расслышит – не зная,
Для чего это памятно ей –
Поднебесные песни Китая,
Ветры лёссовых лёгких полей,

И увидит сквозь сонную зорю,
Как, притоков развесив усы,
К мелководному жёлтому морю
Золотая стекает Янцзы...

* * *

Какая ночь!.. И скучно, и не спится,
И давит грудь густая духота.
Гроза идёт. Широкая зарница
Над горизонтом лавой разлита.

Оттуда ли, с бугров полупустыни,
Где выжжен край зайсанского котла,
На мой огонь, дуря от полыни,
Её степная буря занесла?

Не оттого ли, смутую объята,
И мается душа, и рвётся вон –
Туда, где вечным ожиданием заката
Пустынный мыс, как волхв, заворожён?

Там без конца горит песок белесо,
Не иссякает зной, и, вытянувшись в нить,
Отары у подножья Чакельмеса
Зайсан, хмелея, не устанут пить.

Спокойна гладь горячего залива,
Но с высоты, сжигая твердь в золу,
Садится глаз ярящегося дива
На мыса чёрного сведённую скулу.

* * *

Жить отшельником в избушке на песке
Между рек необитаемого края,
Разговаривать на птичьем языке,
Понемногу человечесий забывая.

Не тоскуя и не жертвуя ничем,
Ни о ком не сожалея втихомолку,
Обернуться – и остаться насовсем
Пустельгою, журавлём иль перепёлкой,

Чтоб однажды ночью с Млечного Пути,
Отлетая в неземное междуручье,
На прощанье что-нибудь произнести,
Прокричать – почти по-человечьи...

* * *

Бросить мир – и жить, войдя навеки
В Благодать, как в светлую струю.
Только думой тяготятся веки.
Только мир печалит и в Раю.

Стану тих, скрывая беспокойство, –
 В суете сует не преуспеть...
 Есть души нетронутое свойство:
 Всех принять и всё перетерпеть.

Боже, не таи Своей науки.
 Я гордыни окормил тюрьму.
 Я тяну обрубленные руки
 Безрассудно к небу Твоему.

Дождь омыл калиновые кисти,
 Схваченные охрой кровяной.
 Охлади к возвышенной корысти.
 Опали для милости скупой.

БАБУШКА

Смиренна, как лики святых в образах.
 Глуха и безмолвна, как птица в неволе.
 Две кротких руки на примятом подоле
 Да гребень широкий в прямых волосах.

Со спицы на спицу петля за петлёй
 Две нитки – суровая и пуховая –
 Растят полотно, и клубок, убывая,
 По донцу корзины кружит сам собой...

Как стариться страшно, – но странно жалеть
 Того, кто тебя бесконечно жалеет,
 Кто так терпеливо и просто умеет
 На собственный век уходящий смотреть.

Ни слова, ни вздоха, – и совестно вдруг
 За скудость любви, и тепла, и вниманья,
 За боль, безучастную от пониманья,
 Что жизнь ускользает, как нитка из рук...

ОСЕННИЕ ПОМИНКИ (Складень)

Нет тепла на земле...
Павел Черепанов

1

Дол заботой осенней голубим.
 Лес рассеянный грустью любим.
 Как бесплотно, как поздно мы любим
 Тех, кто в песне сгорел молодым.

Век привычный – что жертвенный камень.
Тянет верные души к себе.
Новый век – ломовыми катками
Примеряется к дольней судьбе.

Не пронять оглушённое время.
Трудно смерть полюбить, не старея.
Тёмных чисел не вычесть из чувств.
Взять – и сгинуть, как огненный куст
Опалённого стужей кипрея...

2

Где-то лисица ли, филин ли лает,
Сыростью тянет с полей.
Осень уже до слезы пробирает
Жертвенной лаской своей.

Грёзы весёлые!
Не отзовутся
Всплесками ваши ручьи...
Мне бы от птичьего света проснуться
В мутной октябрьской ночи.

Сердце, молчи!.. О слезах ни полслова:
Дай лишь трепещущий знак –
Злая зима из закута сырого
Бешеных спустит собак.

Что ей певучей души упованья,
Тонкие токи тепла?
Вкус непорочный земного дыханья
Горечь земная сожгла...

...Жалоба губит, как ранняя вьюга.
Есть ведь и в горечи свет:
Слово забытое щедрого друга –
Друга, которого нет.

Дальше б от сладких набоковских штучек,
Выделки вещи в себе!
Может, и я – только лёгкий попутчик
В чьей-то нелёгкой судьбе.

Трону прохладой, и горечь умножу,
Мимо печально пройду...
Не разделить эту тайную ношу,
Царственную нищету.

В чащах безропотно лист облетает,
 Строгостью веет с полей.
 Мудрая осень сама понимает
 Жертвенность ласки своей.

3

Ах, братишка, Павел-иван-чай,
 На гармошке веселей сыграй.
 Чубом вольным размети печаль,
 Песню-люльку свистом раскачай!

Но не слышит Пашка-берендей
 Песни верной, удалой своей.
 Без прикрас высок его приют.
 В небесах о воле не поют.

* * *

В этих чащах лишь ель да елшина,
 Да подтопленный терпкий подзол.
 Сыроежек крупчатых корзина
 Сыпет крошки тебе на подол.

Дрогнут листья порою – то, глухо,
 Как в утае смыкается рать,
 Обречённая ухнет елуха,
 Всем живым завещая стоять.

Но в тиши – так свободно молчитя,
 Так отзывчиво ветви грустят!
 И осенняя мгла – как волчица,
 Нас укрывшая, словно волчат.

В этих чащах лишь ель да елшина,
 Да тяжёлый промозглый подзол.
 Но как сканая дань – паутина
 Зацепилась тебе за подол.

* * *

Спит невесомый хор светил.
 Плывёт кочевье неземное.
 Забуду всех, кого любил,
 Нас будет вечно только двое, –

Чтоб и оттуда видеть сны,
 Как ночь качает звёзды наши,
 Как снова до краёв полны
 Двух жизней жертвенные чаши.

Но выше звёзд бессонный Страж
Стоит с десницею воздетой –
Затем, что в полновесье чаш
Нет жизни той без жизни этой.

* * *

Постой со мною на краю земном,
Где блещет жизнь росой золотою,
Где светлой тенью наш высокий дом
Скользит вразрез неистовому зною.

Постой со мной на скошенной траве,
Пропахшей одуванчиковым соком.
Не думал я, что приведётся мне
С горчащей песней слиться ненароком,

Иною, вдохновенною судьбой
Теней грядущих трепетно коснуться...
Постой со мной, до стылых звёзд постой,
Когда они в зените покачнутся,

Когда сверкнёт росой золотой
Вся жизнь моя, повитая тобою,
Когда неугасимую звездой
Пройдёшь со мной над пропастью земною.

НОЧЬ

Выхожу один я на дорогу...

М. Ю. Лермонтов

Спят луга. Маячат горы мглисто.
Ни следа, ни звука, ни огня.
Но светло душе, и в сердце чисто, –
Будто бы вовеки вечен я.

Будто бы тревоги – лишь туманы,
Зябкие видения земли,
А былое – неземные страны,
В звёздной погребённые пыли.

И уйти легко, как сну сквозь веки,
Как немой молитве сквозь уста, –
Если задержалась бы навеки
Этой ночи спящей красота.

ЗАЙСАН

Влажные веки прикроешь немного –
 Перед глазами стоят, как судьба:
 Полная пыли горячей дорога,
 В мареве – гор голубых короба.

Тайны эпох да речные колена
 В ритме бесщёдном, как звёздная сыпь,
 Глинами пёстрыми палеогена
 Опеленали зайсанскую зыбь.

Чёрный баклан и тарантул мохнатый,
 Лёгкая щука в белёсой воде
 Чутко хранят этот край непочатый,
 Не забываемый мною нигде.

Лёгок песков обжигающий иней,
 Волны светлы, – видно, в Славе Начал
 Бог, упоенный земною пустыней,
 Ликом впервые над ней просиял.

г. Усть-Каменогорск, 1987–2004

Юрий Савченко родился в 1954 году. В детстве жил с родителями в Якутии, на Северном Урале. Школу закончил в Москве, затем поступил в Московский геологоразведочный институт. Работал геологом в Донбассе, Монголии, Восточном Казахстане. В 1987 году пришёл в студию Евгения Курдакова. Один из авторов стихотворных сборников студийцев, изданных в 1992 и 2018 годах. Автор трёх поэтических книг. С 1994 года обосновался в Москве. Член Союза писателей России с 1997 года. Публиковал стихи и эссе в журналах «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский вестник», «Нёман», «Братина», «Вестник культуры» и «Кедр» (Казахстан), газетах «Литературная Россия», «Московский писатель» и др., альманахе «Истоки». Лауреат конкурса «Золотое перо».

